

Свет Фаворского

Олег Васильев в Русском музее

Календарь 8 - 2005 - 4 февр.
выставка ЖИВОПИСЬ - в 22

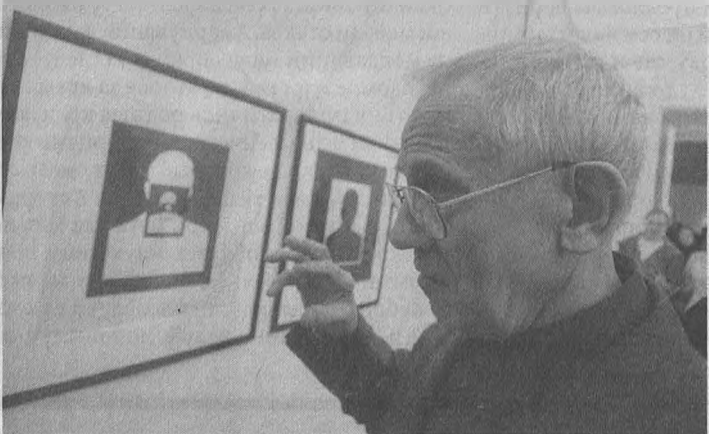
В Мраморном дворце Русского музея открылась ретроспектива Олега Васильева «Память говорит (темы и вариации)», до этого показанная в Третьяковке, — очередная выставка в проекте по канонизации классиков московской концептуальной школы, начатом усилиями двух главных музеев русского искусства в прошлом году. Рассказывает **АННА ТОЛСТОВА**.

Эта настоящая, честная ретроспектива, когда художника показывают целиком, от еще детского, сделанного на летней практике МСХШ на Оке этюда 1949 года до последних американских полотен, на которых краска, кажется, еще не просохла, имеет прежде всего просветительский смысл. Несмотря на статус классика московского концептуализма, Олег Васильев на родине известен плохо. Точнее, известен как автор одной картины — знаменитого «Огонька», где в деталях воспроизведена фотообложка одноименного журнала: Дворец съездов, трибуны Политбюро, только фигура читающего речь генсека как бы засвечена перекрещивающимися световыми потоками. В общем, классический образец соц-арта: ирония в адрес иконографии власти сочетается с мистическим освоением иконографии православной. Почти по Борису Гройсу, заметившему, что в России невозможно написать порядочную абстрактную картину, не сославшись на фаворский свет.

Впрочем, то, что у Олега Васильева безусловное признание странным образом соседствует с явной неизвестностью, не кажется случайным. Вроде бы классическая биография, где есть все необходимое. Дружба с Ильей Кабаковым и Эриком Булатовым, детская книжка, когда полгода пахал на издательства, зато потом полгода работал «для себя», выставки на Западе, публикации в легендарном журнале «А-Я» и в конечном итоге эмиграция в США. Вроде бы классическое «другое» искусство, где есть все необходимое. Шестидесятнические паломничества к Фальку и Фаворскому, семидесятнический диалог с Малевичем и игры с картиной в картине, восьмидесятнический фотореализм — просто энциклопедия русской живописи, расписанная по годам. И

энциклопедия концептуалистских приемов: картины-фотографии с черными дырами «изъятых» персонажей, пейзажи, в которые вставлены преобразующие пространство объекты, лозунги, влезющие в изображение, дневники-альбомы. Просто какая-то всемирная отзывчивость русской души. Во всем этом очень трудно обнаружить то, что теперь называется «личным проектом», а когда-то называлось «почерком», то, за что критик ухватывает художника и вытаскивает из изобразительного потока, отправляя сушиться на раз и навсегда закрепленную за ним в архиве полочку.

В этом смысле Олег Васильев — неудобный человек, которого так и тянет на неудобные поступки. Например, признаваться в любви к Поленову или Моне на словах и на деле, перепевая на какой-то щемящий чеховский лад «Завтраки на траве» и «Бабушкины сады». Живописать темные аллеи с жухлой листвой в духе не то Левитана, не то пикториалистской светописси начала XX века, да еще называть это как-нибудь поэтично — «Утро туманное, утро седое». Выписывать кленовые листочки, словно осевшие на поверхности холста, с прямо-таки салонной виртуозностью. Строить абстрактные композиции, которые невозможно описать, не сославшись на Фаворского: его пространственная теория понята здесь не столько в формальном, сколько в этическом плане, когда белое и черное, глубина и плоскость отсылают к метафизическим категориям добра и зла. В общем, жить поперек всех «правильных» стратегий искусства конца XX века, старомодно доказывая, что «личный проект» художника Васильева — это он сам. Со своими автопортретами, портретами близких друзей и среднерусскими пейзажами, вдоль и поперек исхоженными в компании с Кабаковым и Булатовым, которые на заре туманной юности, оказывается, регулярно ходили на натуру. Со своей малоразговорчивой памятью, выхватывающей из темноты небытия лучами, может быть и фаворского, света обрывки чего-то глубоко интимного, даже когда на картине всего лишь какое-то шоссе в никуда или забытая богом трамвайная остановка.

Олег Васильев ухитрился скрестить концептуализм с Левитаном

ФОТО МИХАИЛА РАЗУБАЕВА